

Ольга Коваленко

ЗІ СПОГАДІВ МАРІЇ ЧОРНОСВИТОВОЇ ПРО СТАРИЙ ЧЕРНІГІВ (ДРУГА ПОЛОВИНА ХІХ – ПОЧАТОК ХХ ст.)

*Статтю присвячено спогадам М. В. Чорносвитової про старий Чернігів. Вони містять цікаві факти й спостереження, які суттєво доповнюють наші уявлення про повсякденне життя мешканців Чернігова у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.
Ключові слова: М. В. Чорносвитова, Чернігів, спогади, історія повсякденності.*

Призабута чернігівська мемуаристка Марія Василівна Чорносвитова народилася 13 липня 1875 р. у родині відомого громадського діяча і педагога В. М. Хижняка. У Чернігові минули її дитинство і юність. М. Чорносвитова закінчила Чернігівську жіночу гімназію та Петербурзьку консерваторію по класу співів. Деякий час вона викладала музику та співи у Виборзькому комерційному училищі, а в 1917 р. повернулася до Чернігова і стала свідком революційної вакханалії та закорінення радянської влади в регіоні. У середині 20-х рр. М. Чорносвитова виїхала за кордон і оселилася в Празі, де завдяки допомозі уряду Чехословаччини виникла мережа освітніх, наукових і культурних осередків російської та української еміграційних спільнот. У Празі М. Чорносвитова викладала співи й брала участь у роботі Російського музичного товариства і Союзу російських письменників та журналістів. Наприкінці Другої світової війни вона перебралася до Парижа, а у 50-х рр. – до США¹. Сини М. Чорносвитової Борис (1900 – 1948) і Лев (1902 – 1945) служили у Добровольчій армії А. Денікіна, а після її поразки емігрували до Чехословаччини й здобули освіту у Празькому університеті. Б. Чорносвитов став хіміком і працював на цукровому заводі у Франції, Л. Чорносвитов – зоологом, співробітником Британського музею природничої історії, автором близько 40 наукових праць².

У США М. Чорносвитова мешкала й займалася громадською роботою у м. Сиракузи (штат Нью-Йорк), а останні роки життя провела на так званій Толстовській фермі під Нью-Йорком – Будинку престарілих, відкритому в 1941 р. Толстовським фондом, який опікувався самотніми і знедоленими російськими емігрантами. Померла у віці 95 років 9 березня 1970 р. і була похована на кладовищі православного монастиря Ново-Дівеєво поблизу міста Спрінг-Веллі³.

М. Чорносвитова прожила довге, сповнене випробуваннями життя, була свідком багатьох подій, підтримувала дружні взаємини з відомими діячами науки та культури й цілком природно звернулася до мемуарного жанру, аби розповісти про них своїм сучасникам і нащадкам. Вона залишила спогади про публіциста і громадського діяча К. Кускову, філософа М. Лоського, архієпископа Сергія Празького, опубліковані в еміграційних виданнях. Особливе місце в творчості М. Чорносвитової належало спогадам про її «втрачений рай» – старий Чернігів. Страшні події революційного часу в місті й регіоні відтворено у мемуарах «Мы и Они», оприлюднених без зазначення прізвища автора у Празі в 1924 р. у VIII томі історико-літературного збірника «На чужой стороне»⁴. Того ж таки 1924 р. М. Чорносвитова доповнила свій текст кон-

---

© Коваленко Ольга Олександрівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Інституту історії, етнології та правознавства імені О. М. Лазаревського Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка.

кретними фактами і прізвищами жертв більшовицького терору, наведеними у трьох фрагментах спогадів: «Большевики в Чернигове», «Расстрелы после Деникина», «В Чернигове». Вони збереглися в рукописному вигляді й тільки у 2009 р. були опубліковані у впорядкованому російським істориком С. Волковим збірнику «Красный террор глазами очевидцев»⁵. Нарешті, в 1962 р. у часопису «Современник», який заснував у м. Торонто в Канаді історик, літературознавець, поет і громадський діяч Л. Страхівський, побачили світ спогади М. Чорносвитової під назвою «Чернигов (то, что я знаю и помню о нем)»⁶.

Цей історико-мемуарний нарис має свої особливості. У ньому йдеться не тільки про власні спогади М. Чорносвитової, а й про історію Чернігова та його пам'ятки. Авторка також навела уривки з мемуарів О. Лазаревського, І. Петрункевича, І. Ясинського, С. Мінцлова, які свого часу мешкали або перебували в Чернігові, щоб у такий спосіб увірогіднити свої спостереження. Загалом, спогади М. Чорносвитової містять цікаві факти, які дозволяють скласти адекватне уявлення про повсякденне життя мешканців Чернігова у другій половині XIX – на початку XX ст. Крізь калейдоскоп призабутих імен і подій зі сторінок мемуарів М. Чорносвитової проступає неповторний образ міста, позначений глибоким знанням його історії та щирою любов'ю автора до отчого дому.

Із зрозумілих причин спогади М. Чорносвитової донедавна були недоступні для вітчизняних дослідників та читачів. Це й спонукало нас підготувати їх републікацію у дещо скороченому за рахунок суто історичних екскурсів і розлогого цитування інших мемуаристів вигляді.

Спогади М. Чорносвитової друкуються мовою оригіналу згідно із сучасними правописними нормами зі збереженням усіх мовно-стилістичних особливостей авторського тексту. Публікацію супроводжують примітки, в яких наведено або уточнено відомості про згадані у тексті події та персоналії. Вважаємо своїм обов'язком висловити подяку В. І. Мезенцеву (Торонто) та Г. В. Морозовій (Чернігів) за допомогу в підготовці спогадів М. Чорносвитової до друку.

1. Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917 – 2001 / [составитель В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич]. – М., 2007. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 212.

2. Там само. – С. 211 – 212.

3. Там само. – С. 212.

4. На чужой стороне: Историко-литературные сборники / [под ред. С. П. Мельгунова, при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина]. – Берлин; Прага, 1924. – Т. VIII. – С. 55 – 97.

5. Красный террор глазами очевидцев / [составление, предисловие С. В. Волкова]. – М., 2009. – С. 86 – 92.

6. Современник: Журнал русской культуры и национальной мысли (Торонто). – 1962. – № 5. – С. 34 – 61.

ЧЕРНИГОВ

(то, что я знаю и помню о нем)

На склоне лет у меня явилось желание увековечить образ моего родного города, каким я знала его в детстве и в пожилые годы. У Чернигова было свое совсем особое лицо, какого не было у других городов, знакомых мне лично или по рассказам. В нашем, утопавшем в зелени, городе было много поэзии и не было в нем ни чиновничьего духа, ни торгашества, ни мещанства. Особенно поэтичен был он весной. Купанье в Десне, катанье на лодках, песни кругом. Выйдешь вечером в сад, и пахнет на тебя запахом сирени или цветущей яблони, а соловьи так и заливаются.

Но не только в этом было обаяние Чернигова. Мы знали и чувствовали, что живем в городе былой славы. Гордились нашим древним собором¹ и его знаменитым колоколом, бархатный звон которого слышен был далеко на окраинах, домом Мазепы²

под Валом, курганами³ у Елецкого монастыря, а под Пятницкой церковью⁴ слепые лирники пели нам про запорожскую старину <...>

В 1866 г. в Чернигов приехал мой отец – Василий Михайлович Хижняков⁵. Пройдя школу 60-ых годов, одушевленный идеей служения родине, он избрал сначала педагогическое поприще. Директором гимназии был тогда Кустов⁶. Сам опытный педагог, он умел подбирать учителей все больше молодых, что создавало хорошую атмосферу, в которой приятно было работать. Н. А. Антиох-Вербицкий⁷ преподавал словесность, братья Константиновичи⁸ – историю и естественные науки, мой отец – латинский и греческий языки. С учениками у них установились хорошие отношения, и успешность была высокая.

В ту пору в Чернигове не было еще женской гимназии. Обыватели довольствовались пансионом для благородных девиц, где об их образовании заботились мало. Выпускной экзамен в пансионе Лашнюковой⁹, где учились сестры моей матери, состоял в том, что оканчивающие в белых платьях говорили русские и французские стихи, играли «Молитву Девы» или «Полонез Огинского» и танцевали качучу¹⁰. Но в 60-ые годы этого было уже мало. Черниговским губернатором был тогда кн. Голицын¹¹. Он энергично принялся за хлопоты: ездил в Петербург, рассылал по губернии подписные листы, устраивал спектакли, базары и, наконец, в 1865 г. гимназия была открыта¹². Но содержать ее первое время было не на что, и группа лиц, к которой охотно примкнул и мой отец, взялась преподавать бесплатно. Это была та же молодежь, что преподавала в мужской гимназии. Через много лет я встретила с двумя его ученицами, которые с благодарностью его вспоминали. Одна из них была примадонна Мариинского театра Дейша Сионицкая¹³, другая – знаменитая украинская артистка Заньковецкая¹⁴. За услугу, оказанную моим отцом Черниговской гимназии, мы, его дочери, учились бесплатно.

Идиллическая атмосфера, царившая в гимназиях, рассеялась с воцарением на посту министра народного просвещения гр. Толстого¹⁵. Кустова убрали, сменили многих преподавателей, появился казенный дух, и в учеников пропал интерес к учению. Работать в новых условиях моему отцу было не по душе, и он ушел из гимназии. Как домовладелец он был гласным думы и вскоре был избран городским головой¹⁶. Должность эту он принял в то время, когда в Чернигове не было ни одной мощеной улицы, а в конце нашей Стриженской¹⁷ была знаменитая лужа, в которой, по преданию, утонул ребенок. Редкие фонари не горели, когда по расписанию полагались лунные ночи, в распутицу водовозы наполняли бочки из луж, пожарные лошади паслись на выгоне. Мой отец был городским головой 12 лет, и за это время было замощено несколько улиц, открыт городской банк¹⁸, появились городские водопроводы¹⁹. Он ездил в Москву изучать дело на месте, пригласил инженеров, и наш водопровод был сделан по последнему слову инженерного искусства. Строились городские училища, устраивались народные чтения.

Мой отец был сильно захвачен войной 1877 г.²⁰ Как городской голова он должен был отправлять добровольцев, собирать пожертвования, делать закупки для военных нужд. Что-то осталось и в моей памяти из этой эпохи. Я сижу на окне, и чьи-то руки держат меня, и мы смотрим, как выводят из ворот нашего гнедого коня, реквизируемого в армию. Помню, как пленные турецкие офицеры в фесках важно ездили на извозчиках по городу.

Но деятельность городского головы уже не удовлетворяла моего отца, его тянуло на более широкую дорогу – в земство. В 1886 г. он уже занимал пост председателя губернской земской управы²¹. Земская деятельность его была очень разнообразна, и он отдавал ей все свои силы и все свое время. Вспоминаю, как он хлопотал об артели Кролевецких ткачей²², попавших в кабалу к купцу, который платил им гроши за работу. Земство взяло их под свое покровительство. Мой отец получил в благодарность от них вытканый ими рушник, на котором были такие слова: «Щирими руками рушник витикали та щастя у Бога про тебе прохали». Во Франции, в деревне,

я встретила старика родом из Кролевца, который знал историю кролевцевских ткачей и помнил имя моего отца.

Прослужив три трехлетия в земстве, мой отец почувствовал потребность отойти от дел. Он поселился в деревне²³, но без дела все же не оставался. Его стараниями была выстроена новая школа, устроена кооперативная лавка, кредитное товарищество, общественная кузница, ткацкая мастерская для «дівчат», приобретены сельскохозяйственные орудия для общественного пользования. Последней мечтой его было устройство Народного дома в деревне, но смерть помешала ее осуществлению. Он умер в день и час, когда в Петербурге произошла революция, не узнав о ней²⁴.

В Чернигове большую роль играло земство. Земские собрания, выборы были событиями для всех слоев общества. Город оживлялся приездом новых лиц, устраивались вечера, концерты, барышни шили себе новые платья. Публика деятельно посещала земские собрания, взволнованно следя за прениями. Всюду трактовались земские вопросы, цитировались речи гласных. Во время выборов страсти разгорались: кого-то выберут? Земскими вопросами интересовалась не только интеллигенция, а и извозчики, клубные лакеи, купцы. Учащимся было строго запрещено ходить на собрания, но гимназисты умудрялись как-то туда проникать. Даже в безнадежно затхлую атмосферу, царившую в нашей гимназии, проникал какой-то свежий дух в дни земских собраний. Учителя, такие далекие нам, поздравляли меня с милой улыбкой, когда моего отца выбирали на следующее трехлетие <...>

В мое время у каждой барышни был малороссийский костюм, и так приятно было в нем шеголять. На лодках, в городском саду²⁵, мы пели только малороссийские песни, русских мы не знали. А какое оживление вносили в нашу жизнь приезды Лысенко²⁶ со своим хором, который пополнялся местной публикой. А когда приезжала труппа Крапивницкого²⁷ с Садовским²⁸ и Заньковецкой, Чернигов буквально терял голову. Но надо сказать, что мы восторгались и русскими гастролерами, и русским хором Агренева-Славянского²⁹. Мы обожали Шевченко³⁰, «байки» Глібова³¹, сказки Драгоманова³², которые читал нам отец, но воспитывались мы конечно на русской литературе. Речь свою с удовольствием пересыпали малороссийскими словами и оборотами, а были и такие уголки Чернигова, как Лесковица³³ или Ганжовщина³⁴, где знакомые нам семьи и в домашнем быту говорили по-малороссийски <...>

По переписи 1891 г. в Чернигове числилось 27 тысяч жителей. Из них 15 тысяч евреев и 12 тысяч христиан (после революции цифра эта удвоилась). Все наше ортодоксальное еврейство жило по своим законам в своей замкнутой среде, и ни один взгляд нас, гоев, не проникал туда. В нашем маленьком городе мы жили с ними как два рядом бегущие ручья, никогда не сливавшиеся. В моем классе училось несколько евреек, но они держались особняком и с нами не общались. И все же, несмотря на эту разобщенность, мы жили с евреями как хорошие соседи. Отец мой, будучи городским головой, одинаково заботился о нуждах еврейского населения, как и русского. Погромы у нас никогда не было. Бывало наша кухарка, придя с базара, сообщает: «Кажись скоро жидів грабовать будуть». Это означало, что какие-то темные личности науськивают на погром. Тогда мой отец обращался к воинскому начальнику с просьбой прислать в город роту солдат. Солдаты эти часа два ходили с песнями по улицам, и о погроме не было больше и слышно. В доме у нас евреи почти не бывали. Вспоминаю только докторшу Кранц³⁵ и двух ее сестер, учившихся с моей сестрой в гимназии. Это была хорошая семья. Но нас к себе никогда не звали. Много позднее у нас бывал милейший человек Б. И. Каминер³⁶. Он был женат на русской и принял христианство. Это все, кого я могу припомнить. Еврейское население занималось главным образом ремеслами и торговлей, и только на этой почве мы с ними общались. Но никакого юдофобства у нас не было.

Вот картинки быта города Чернигова в 80-х – 90-х годах. Приходит с черного хода переплетчик моего отца Френкель. Как сейчас помню его благообразное лицо. За ним разносчик фруктов Толбин. Он так приветливо нам улыбался, что мы затаскивали его в детскую и показывали свои игрушки. Время от времени приходят два заморенные молодые еврейчика набивать папиросы моему отцу. Им выносят

в коридор стол, и мы детьми любили наблюдать, как быстро, быстро мелькают их пальцы, и на стол падают готовые папиросы. С нами они никогда не разговаривали и как-будто даже не замечали нас. На Новый год приезжает – это уже с парадного хода – городской раввин Турин³⁷. Он считал своим долгом поздравить моего отца, когда он был городским головой.

Помню бегавших по улицам еврейских мальчишек с хвостиками – это были их рубахи, торчавшие из разреза штанишек. И каждый пригостишка считал своим долгом дернуть одного, другого за этот хвостик.

Был у нас ювелирный и оптический магазин на Шоссе (главная улица в Чернигове)³⁸ Шлепянова³⁹. Это был добродушный и очень общительный старик. Каждый день утром шел он в банк. До банка было ходьбы минут пять, но шел он часа полтора – надо же с каждым встречным поговорить по душам. У него было четыре сына: двух он пустил по коммерческой части, другим двум дал университетское образование. Что было, когда его сын был арестован во время какой-то студенческой манифестации! Шел он верно тогда не полтора, а два часа – надо же было каждому встречному сказать: «Это не мой сын, это сукин сын». Жили мы тихо, жили бы так и дальше, но революция изменила наши добрососедские отношения. Большинство еврейской молодежи оказалось на стороне большевиков. И откуда только взялись эти студенты и барышни, которые приходили к нам с мандатами в руках реквизируют вещи, выселять из квартир? Кто и когда их этому научил и раздал им роли?

Было у нас немало поляков. Они держались особняком, между собой говорили по-польски, но никакой национальной розни между нами не было и в помине. В Чернигове был старый костел⁴⁰, сохранившийся верно еще с польских времен, был и ксендз, который приходил к нам в гимназию давать уроки ученицам католичкам. Когда образовалось польское государство, почти все поляки двинулись в Польшу. Но очень скоро наступило разочарование. Их там нашли обрусевшими, ни в чем не пошли навстречу, и скоро почти все они вернулись назад. Поляки помещики никуда не ездили. Несмотря на польскую речь, они пустили глубокие корни на нашей земле. Мы часто общались с ними, особенно при большевиках, помогая друг другу и спасая в беде по мере сил.

Военные жили в Казарменном участке⁴¹, который был расположен в двух верстах от города. У них была своя жизнь со своими обычаями и своим уставом. Мы их как-то мало и видели. Один полк приходил, другой уходил, в городе они появлялись редко. Слышно было, что у них устраивались балы, спектакли, кто-то из города наверно бывал там, но жизнь их не сливалась с жизнью Чернигова, где царил земско-помещичий дух. В городе можно было встретить только стариков в отставке. Напротив нашего дома жил старый генерал Редин⁴². Он всегда сидел в кресле у окна. Время от времени на нашей улице появлялась рота солдат, выстраивалась перед его домом, приветствовала его по военному, отдавала ему честь и удалялась. Был у нас полковник И. А. Тризна⁴³. Это был еще не старый человек, а голос у него был такой, как будто он полком командует. Идешь по улице и еще издали слышишь крик. Что это? Кто это так раскричался? Подходишь ближе, оказывается это Иван Алексеевич мирно разговаривает со своим знакомым. Наша разобщенность с военной средой происходила не только от отдаленности Казарменного участка от города. Она была характерна для той эпохи. Когда пришли большевики, исчезло всякое различие между военными и не военными – общая беда сравняла всех.

Мало общения было у нас и с духовенством. Это тоже было характерно для той эпохи. Священник нашего прихода приходил по большим праздникам с молитвой, потом, посидев несколько минут в гостинной, уходил. Ни у нас, ни у наших знакомых священники никогда не бывали. Они держались особняком, в своей среде. Другое дело деревенские священники. Мы с ними ездили в лес по грибы, на Днепр, бывали друг у друга в гостях, но общение это было не на религиозной почве. Преподавание Закона Божьего в гимназии было чисто формальным делом и никакого религиозного значения не имело. Исключением был только учитель Закона Божьего о. Петр Карпинский⁴⁴. Он действительно старался пробудить в нас религиозное чувство. Когда

разсказывал нам о страданиях Христа, глаза его были полны слез, и мы, слушая его, плакали вместе с ним. Я была во втором классе, когда о. Петр скончался. Это было большим горем для нас. Несколько лет потом мы ходили на его могилу и украшали ее цветами. Архиереи были как на подбор мало симпатичные, от них в моей памяти остались только кареты и шелковые рясы. Светлую память оставил по себе только преосвященный Пахомий⁴⁵. Это было уже при большевиках. Они его держали в тюрьме, потом был суд над ним. Его благостный облик действовал даже на чекистов. Рассказывали, что когда его выпустили из тюрьмы, чекисты побежали за извозчиком, заботливо усаживали его, а он молился за них и благословлял их.

Купечество наше пользовалось большим уважением среди черниговских обывателей. Никому и в голову не пришло бы подумать, что в лавке Боброва, Селюка или Свешникова вас могут обсчитать, обмерить или обвесить. Хорошо помню старика Боброва⁴⁶. Держался он с большим достоинством и приказчиков подбирал солидных и знающих дело. Он оставил в дар Чернигову богадельню. Она была окружена садами и так оборудована, что врядли кто из черниговских обывателей пользовался такими удобствами, как старики и старухи, жившие в его богадельне. Семьи Свешниковых, Селюк, Тетеркиных принадлежали к культурному черниговскому обществу. Характерно, что никто из детей нашего купечества не пошел по торговой части. Следующее поколение дало чиновников, офицеров, врачей, помещиков, была одна артистка Большого Московского театра, одна террористка, один большевик Володя Селюк⁴⁷, убитый петлюровцами. В память его улица, где он жил, была названа Селоковской.

С домом Селюк[ов] у меня связаны милые воспоминания. Там мы танцевали до упаду, там собирались для совместного чтения, зачитывались Тургеневым⁴⁸, Элизой Ожешко⁴⁹, Бертой фон Сутнер⁵⁰ (против войны), занимались спиритизмом, рассказывали друг другу страшные истории. А перед гимназическим вечером там шли важные совещания: какого цвета ленту заплести в косу, какие у кого будут туфли, кто пригласил на третью кадрили. Третья кадрили имела символическое значение: любит, ухаживает, отдает предпочтение. Гимназический вечер устраивался 14 ноября в день тезоименитства Императрицы Марии Федоровны. Ярко освещенный зал Дворянского собрания⁵¹, царские портреты, малиновые кресла, военный оркестр на хорах – какие это незабываемые воспоминания. С упоением несешься в вальсе (тогда именно так его танцевали: быстро неслись) и забываешь и гимназию, и двойки по математике...

Скучна была наша гимназическая жизнь. Учение было тяготой, гимназия неизбежным злом, которое надо терпеть ради встречи с подругами. С тяжелым чувством вспоминаю я учительницу арифметики. На ее уроках такой страх сковывал наши души, что мы ничего не могли сообразить. Хороших отметок она никогда не ставила, потому что на 5 знает только Бог, на 4 она сама, а на 3 мы обязаны знать, зачем же ставить отметку? Ее журнал пестрел двойками, единицами и даже с минусами.

А немка Алексия Карловна⁵² преподавала всегда нараспев, так что можно было подумать, что это класс пения. Тон у нее был всегда восторженный и вдохновенный. Отпуская нас на Рождество, она говорила: «Когда ваши папочка и мамочка спросят, что подарить вам на праздники, скажите им: милые фатерхен унд мутерхен, не покупайте мне ни конфеты, ни игрушки, купите мне немецкую книгу». Фразы для диктовки она сочиняла сама: мамаша очень любит читать, но бабушка уехала за граница, или: дети любят рисовать червяков, но не кустов.

Была у нас одна классная дама, к счастью не в моем классе. Она была так огромна, что гимназисты прозвали ее дилижансом. Так же огромно было и ее лицо. Она казалась нам каким-то синим чудовищем (форма для гимназического начальства была синяя), существовавшим только для того, чтобы портить нам жизнь. На своем огромном шлейфе, волочившемся по пыльным коридорам, она обычно возила бумажку, остаток завтрака, а то и калошу, которую ловко и незаметно кто-то успел положить. Директором был мой родной дядя Петр Васильевич Кизимовский⁵³. Это был добродушный, но слабовольный человек. Никакого влияния на нашу жизнь он не имел, но импонировал своим важным и строгим видом. Начальницей была Мария Ивановна Мау⁵⁴. Старая дева, смолянка с глазами злой кошки. Педантка до

жестокости, она убила в себе все движения сердца, считая, что это ее долг. Идти к ней на допрос было истинной пыткой. «Подойдите поближе, смотрите мне прямо в глаза» и т. д. И сейчас жутко вспомнить. В этой затхлой атмосфере нам нечего и некого было любить. Мы жили двумя лагерями: один это начальство, которое считало, что воспитывать – значит карать, бранить, выслеживать, и мы привыкли, что от него исходит какое-то вредное начало, мешающее жить. Другой лагерь – это мы, учащиеся, которые старались при всяком удобном случае делать им разные пакости. Окончив гимназию, когда я встречалась с ними или слышала о них и их жизни по большей части такой одинокой и безотрадной, я впервые отнеслась к ним с человечностью и вниманием. По какому-то роковому недоразумению мы делали им зло, а они нам, и это называлось воспитанием.

Такая же почти атмосфера царила и в мужской гимназии, только, судя по рассказам моих братьев, для них это была не трагедия, а повод для веселья и шуток. На «Камчатке», т. е. на последних партах, сидели старики. В ту пору можно было по несколько лет сидеть в том же классе. Про одного еврея говорили, что он был уже давно женат. Старики были страстными охотниками и на «Камчатке» устраивались пиры – это они угощали товарищей убитой ими дичью. Немец Теффенберг⁵⁵ плохо владел русским языком, и перед его уроком вместо молитвы читалось «По синим волнам океана...» Когда ему это надоело, он кричал: «Что ты бульван (болван) так долго молитва читаешь?» Фразы для диктовки повторялись из года в год. Помню одну: Жена вора не прядет, если ей что нужно, она крадет. Спрашивает: Как: Охотник? Вор. А жена его? Монах. А жена его? Начинается спор. Согласиться с тем, что у монаха нет жены и что жена вора может и не быть воровкой, он никак не мог. Был еще любопытный тип: преподаватель греческого языка чех Горинек⁵⁶. Гимназисты проведали, что он влюблен в какую-то Марью Ивановну. Переводить Гомера до смерти надоело, и вот несколько мальчишек бросаются к окнам: «Алексей Яковлевич, Марья Ивановна идет». Горинек никогда не терял хладнокровия: «Какое отношение Марья Ивановна имеет к Гомеру, переводи дальше. А впрочем (приближаясь к окну) где она?» – «Уже не видно, за угол зашла». Все садятся по местам, и перевод продолжается. Кто-то вылезает опять: «Алексей Яковлевич, у вас новый галстух, совсем как у Марьи Ивановны юбка. Где покупали?» – «Какое имеет отношение галстух к Гомеру. Впрочем у Ильюшкина, советую покупать». А преподавателя истории П. П. Трезвинского⁵⁷, грозу обеих гимназий, гимназисты превратили в почтальона. Когда он шел в женскую гимназию, ему в калошу клалась записка, а та, которой она была адресована, клала в ту же калошу свой ответ. Можно себе представить, что было, когда это обнаружилось! Вне стен гимназии мы почему-то никогда не встречали наших учителей и об их частной жизни ничего не знали. Но на парадных приемах у дяди в его директорской квартире, уже окончив гимназию, я встретила с ними впервые, и так странно было видеть, что они умеют улыбаться, шутить.

А вот чем действительно мог гордиться Чернигов – это земство, суд, врачи. Так прекрасно оборудованную земскую больницу не во всех губернских городах можно было найти. И таких блестящих адвокатов, как Шраг⁵⁸ и Сац⁵⁹, тоже не везде можно было встретить. Хочется пропеть вечную память и таким прекрасным врачам, лечившим нас, как Ковальский, Соловьев, Ласкоронская, Тессен, Кранц⁶⁰.

Жили мы в Чернигове в сущности как помещики. Свой дом, сад, где были фруктовые деревья, маленький огород, держали лошадей, корову, бывало и две. Хлеб пекли дома: мука доставлялась из деревни. У всех была связь с деревней, у кого свое имение, у кого родственники. И не только мы так жили. И у бедноты на окраинах был клочек земли, около домика деревцо, кое-какая скотина, была и живая связь с деревней, где когда-то жили, где кто-то остался. Коров наших гоняли на общее пастбище, и мы любили вечером смотреть, как пастух гнал их домой и как каждая заворачивала в свой двор. О жителях Чернигова трудно было сказать городские они или деревенские. Имея свой дом в городе и имение поблизости, они жили в зависимости от сезона то в городе, то в деревне. На улицах, особенно в базарные дни, можно было видеть характерные фигуры помещиков в высоких сапогах, в поддевках и в картузах.

Базар был у нас посреди города под Пятницкой церковью⁶¹. Из деревень приезжали бабы и «дівчата» в плахах, шныряли цыганки в широченных юбках и предлагали потанцевать или погадать, а под церковью слепые лирники пели казачьи думы.

Раз в год бывала у нас ярмарка⁶². Это было целое событие для Чернигова. Устраивалась она на заливных лугах около Десны. Мы любили толкаться среди народа, слушать веселый гомон, лакомиться знаменитыми черниговскими сладостями, слушать лирников, любоваться разнообразием украинских костюмов. Приезжала, конечно, и масса цыган. Горожане по опыту знали, что во время ярмарки окна и двери должны быть на запоре. Особенно надо было беречь лошадей. Как-то во время ярмарки мой отец приехал из деревни на тройке лошадей. Кучер распрег их, поставил в конюшню, а ворота запереть забыл. Поужинал, пошел в конюшню – лошадей нет. Мой отец сейчас же отправился к полицмейстеру. Тот вызвал цыганского старосту и сказал: «Если не вернете лошадей, не получите паспортов». На рассвете лошади стояли у наших ворот. По их жалкому и замороженному виду можно было судить, что их угнали очень далеко.

Разные типы были среди помещиков. В моей памяти сохранились рассказы отца о знаменитом Седневе⁶³, где он бывал в молодые годы. Там шла еще привольная жизнь с охотами, пикниками, балами <...>

В мое время этот тип помещиков уже вывелся и народился другой. Хорошо ли, плохо ли, но помещики занялись своим хозяйством. Были и такие, которые вставали с зарей, во все входили сами, и им удавалось поднять доходность имения до высокого уровня. Но и старые традиции не были забыты – щедрое гостеприимство и умение повеселиться.

Отвеселившись летом, возвращались мы в Чернигов, где зимой, по совести говоря, было скучно. Осенью грязь, зимой морозы, бывало и сильные, фонари были редки, а на окраинах их и вовсе не было. Все попрятались по домам. В госте ходили, если близко, или у кого были свои лошади. Пешком невозможно, в снегу завязнешь, да и жутко на пустынных улицах. Мужчины проводили время в клубе, ну а молодежи скучно было, она стремилась в столицы. Единственным развлечением был каток, какойнибудь благотворительный вечер или елка в Дворянском собрании. Нашей столицей был Киев, но до открытия железной дороги с ним было только пароходное сообщение. Железная дорога была открыта в 1893 г., да и то узкоколейка до станции Круты Киево-Воронежской железной дороги⁶⁴. Путь был только один: этот же состав возвращался обратно. Ехали с прохладцей, спешить было некуда. Спрашиваю раз у кондуктора: «Отчего мы так долго стоим?» – «Машинист чай пить» – был ответ. Помню и такой случай: поезд только что отошел от станции Муравейка, где поблизости было имение Ясновских⁶⁵. Вижу мчится экипаж и две женские фигуры машут платками и кричат: «Подождите, подождите!» Поезд остановился, подождет, пока усядутся Надежда Николаевна и ее дочь, и потом двинулся дальше.

Настает весна, и Чернигов просыпается после зимней спячки. Вдоль тротуаров бегут ручьи, разливается Десна, а за ней и Стрижень, пошли пароходы, и город оживает. Вспоминаю свой милый Чернигов и думаю, есть ли другой такой город на свете? Пишут о городе-саде, как о какой-то новой выдумке, но разве наш Чернигов не был городом-садом? Идешь по улице и везде дома перемежаются с садами, а из-за забора так и пахнет запахом цветущей яблони, груши, сирени. Когда цветет сирень, весь город напоен ее ароматом. Зелень, цветы, песни кругом. Поют в городском саду, поют бабы под мостом, на огородах, из окон семинарии раздается стройное пение, соберутся у кого-нибудь в доме – поют, катаются по Десне на лодках – поют. Какой-то вольный дух чувствовался в Чернигове. А главное, что он был наш, и мы были его, и что все нас знали, и мы знали всех. Постовой городской на Красном мосту был не просто городской, а Александр или Лисандра, как звала его наша прислуга, любимый извозчик – Яков, парикмахер – Яков Иванович. Уже в зрелых годах, приехав в Чернигов, зашла я в магазин Цыпина купить что-то. Прошу послать мне на дом и даю адрес, а приказчик с укоризной говорит: «И не стыдно вам, мадам, да я же вас гимназисткой помню». Отец мой, садясь на извозчика, лаконически говорил: «Домой».

Лучшей частью Чернигова было наше Застриженье⁶⁶, утопавшее в садах. Если

бы измерить площадь, которую занимали у нас дома, она оказалась бы значительно меньше той, что была занята садами. Да и улиц было мало, идешь, идешь, и все нет поперечной, да и где было бы ее проложить из-за этих самых садов. Чтобы попасть из города в наше «Замоскворечье», надо было пройти Красным мостом⁶⁷. Под мостом вода, когда разливается Стрижень, летом там огороды, где поют бабы, зимой каток. Летом Стрижень почти высохал, только тоненькая струйка воды вилась между камней, зато весной он, бывало, затоплял не только набережную, а захлестывал и в нашу Стриженскую. А наш милый городской сад, сколько воспоминаний связано с его таинственными аллеями в особенностях в лунные ночи, когда со всех сторон переключались соловьи. Особенно любили мы сидеть над обрывом, где протекала когда-то река Кордовка⁶⁸, а в мое время там было болото, где заливались на все голоса лягушки. Они орал так оглушительно, что в тихие вечера и на нашей Стриженской их было слышно. Таких музыкальных лягушек, как в нашем городском саду, верно нигде не бывало <...>

1. Йдеться про Спасо-Преображенський собор у Чернігові – видатну пам'ятку давньоруської архітектури XI ст.

2. «Будинком І. С. Мазепи» у старому Чернігові зазвичай, згідно з фольклорною традицією, називали розташований на території колишньої фортеці будинок Лизогубів, у якому згодом було розміщено канцелярію Чернігівського козацького полку.

3. Йдеться про курган Чорна могила, який археологи датують X ст.

4. П'ятницька церква – пам'ятка давньоруської архітектури XIII ст. Оскільки поряд розташовувалась Базарна (нині – Красна) площа, тут зазвичай зупинялися і виконували свої твори кобзарі та лірники.

5. Хижняков Василь Михайлович (1842 – 1917) – педагог і громадсько-політичний діяч. У 1866 – 1879 рр. викладав у Чернігівській гімназії давньогрецьку і латинську мови, російську словесність, філософію та політичну економію.

6. Кустов Микола Панкратович обіймав посаду директора училищ Чернігівської губернії та Чернігівської чоловічої гімназії у 1866 – 1872 рр. Створена у 1805 р. Чернігівська чоловіча гімназія була одним з найстаріших середніх навчальних закладів Лівобережної України.

7. Вербицький-Антіох Микола Андрійович (1843 – 1909) – педагог, письменник і громадський діяч. Протягом 1866 – 1875 рр. викладав у Чернігівській чоловічій гімназії російську словесність і логіку.

8. Константинович Микола Олександрович (1844 – 1889) у 1865 – 1875 рр. викладав у Чернігівській чоловічій гімназії історію та географію, а його брат Константинович Митрофан Олександрович (1841 – 1897) у 1865 – 1869 рр. – природничу історію, технологію та комерцію.

9. Жіночий пансіон сестер Лашнюкових діяв у Чернігові в 1856 – 1859 рр. і давав своїм вихованкам освіту на гімназійному рівні.

10. Качуча – сольний танець іспанського (за іншими даними – кубинського) походження, який виконується у супроводі кастаньєт. Надзвичайно популярний в Європі й Америці в середині XIX ст.

11. Голіцин Сергій Павлович (1815 – 1888) – військовий і державний діяч, у 1861 – 1870 рр. чернігівський губернатор. Здійснював у регіоні селянську, судову і земську реформи, сприяв заснуванню Чернігівської жіночої гімназії.

12. Чернігівська жіноча гімназія була заснована у 1865 р. з ініціативи місцевої громадськості, яку підтримав губернатор С. П. Голіцин. З 1899 р. діяла у цегляному будинку, зведеному за проектом архітектора Д. В. Савицького на території колишньої Чернігівської фортеці. Нині у ньому розміщений Чернігівський художній музей імені Г. П. Галагана.

13. Дейша-Сіоніцька Марія Адріанівна (1859 – 1932) – оперна співачка і педагог. Народилась у Чернігові, навчалася у місцевій жіночій гімназії.

14. Заньковецька Марія Костянтинівна (справжнє прізвище Адамовська) Марія

Костянтинівна (1854 – 1934) – видатна українська актриса. Народилась у с. Заньки Ніжинського повіту Чернігівської губернії в родині збіднілого поміщика. Навчалась у Чернігівській жіночій гімназії.

15. Толстой Дмитро Андрійович (1823 – 1889) – учений і державний діяч, міністр народної освіти у 1866 – 1880 рр.

16. Хижняков В. М. перебував на виборній посаді чернігівського міського голови протягом 1875 – 1887 рр. і значною мірою прислужився розвитку інфраструктури міста.

17. Стриженська вулиця (з 1941 р. носить ім'я М. Ю. Лермонтова) була прокладена на лівому березі р. Стрижень неподалік Красного мосту. На ній стояв будинок родини Хижнякових, який після численних перебудов зберігся і до сьогодні.

18. Чернігівський міський банк був заснований, згідно з рішенням міської думи, наприкінці 1874 р. Значну частину чистого прибутку передавав у розпорядження міської думи для поповнення міського бюджету. Націоналізований у січні 1919 р. після встановлення радянської влади. Містився у будинку Чернігівської міської думи. Нині у цій будівлі по вул. М. Кирпоноса, що зазнала неодноразових перебудов, розміщено Чернігівське обласне відділення Національного банку України.

19. Спорудження Чернігівського водогону розпочалося у 1880 р. Насосна станція подавала питну воду з артезіанських свердловин, облаштованих в урочищі Ялівщина, до центральної частини міста. У 1913 р. до водогону було підключено понад 530 будинків і близько 20 водорозбірних колонок.

20. Йдеться про російсько-турецьку війну 1877 – 1878 рр., яка викликала в країні патріотичне піднесення і рух допомоги слов'янським народам Балканського півострова, що потерпали від турецького поневолення.

21. Хижняков В. М. очолював Чернігівську губернську земську управу в 1886 – 1896 рр. і відігравав визначну роль у розгортанні діяльності органів місцевого самоврядування в усіх сферах життя регіону.

22. Йдеться про об'єднання ремісників-ткачів у Кролевці – повітовому місті Чернігівської губернії, яке було відомим далеко за межами краю центром ткацтва.

23. В. М. Хижняков придбав невеликий (близько 57 десятин) маєток у с. Кезі Чернігівського повіту (нині – село Ріпкинського району), де в останні роки життя проводив більшу частину часу.

24. Хижняков В. М. помер у Чернігові після тривалої хвороби 27 лютого 1917 р., коли в Петрограді відбулася Лютнева революція, і був похований на міському кладовищі, а в липні того ж таки року перепохований, згідно з його заповітом, у с. Кезі. На жаль, ні могила, ні будинок В. М. Хижнякова у с. Кезі не збереглися.

25. Міський сад (нині – Чернігівський міський парк культури і відпочинку) був облаштований на околиці міста – у так званому Застриженні ще на початку XIX ст.

26. Лисенко Микола Віталійович (1842 – 1912) – український композитор, музикант і громадський діяч. Неодноразово давав концерти у Чернігові.

27. Кропивницький Марко Лукич (1840 – 1910) – український драматург і актор, один з творців українського професійного театру. Театральна трупа М. Л. Кропивницького неодноразово гастролювала в Чернігові.

28. Садовський Микола Карпович (справжнє прізвище Тобілевич) (1856 – 1933) – український актор, режисер і громадський діяч.

29. Агрєнев-Слов'янський Дмитро Олександрович (1834 – 1908) – російський співак, хоровий диригент і збирач народних пісень. У 1868 р. заснував хор «Слов'янська капела», який проводив активну концертну діяльність у країні та за кордоном і користувався значною популярністю у слухачів.

30. Шевченко Тарас Григорович (1814 – 1861) – великий український поет, прозаїк, художник і громадський діяч.

31. Глібов Леонід Іванович (1827 – 1893) – український поет, байкар, видавець і громадський діяч. Довгий час мешкав на Чернігівщині й, зокрема, викладав у Чернігівській чоловічій гімназії.

32. Драгоманов Михайло Петрович (1841 – 1895) – український учений, публіцист і громадський діяч, збирач пам'яток українського фольклору.

33. Лісковиця – у минулому південо-західне передмістя, нині – історичний район Чернігова у заплаві Десни біля підніжжя Болдних гір.

34. Ганжовщина – місцевість на північній околиці Чернігова, де був маєток поміщиків на прізвище Ганжа.

35. Очевидно, йдеться про Михаліну Маркусівну Кранц, яка згадується у «Календарях Черниговской губернии» як вільно практикуючий лікар (1888 р.), а згодом земський лікар (1890 р.).

36. Камінер Борис Ісакович – адвокат і гласний Чернігівського повітового земського зібрання.

37. Турін Єзекіль (Хацкель) Ісакович – адвокат і громадський діяч. У 1896 – 1907 рр. перебував на виборній посаді чернігівського рабина.

38. Шосейна вулиця (нині – проспект Миру) – центральна магістраль Чернігова, що перетинає місто з півдня на північ. Свою назву одержала від шосе Київ – Петербург, прокладеного через Чернігів у 1861 р.

39. Шлепянов Соломон Мусійович – потомствений почесний громадянин, власник магазину годинників і ювелірних виробів на Шосейній вулиці в центрі Чернігова.

40. Йдеться про католицький костюл, споруджений у Чернігові у 1857 р. Нині у цій будівлі по вул. П'ятницькій облаштовано одне з архівосховищ Державного архіву Чернігівської області.

41. «Казармена дільниця» – місцевість на околиці Чернігова обабіч шляху на Гомель, де на зламі XIX – XX ст. було споруджено казарми й житлові будинки для офіцерів військових частин, дислокованих у Чернігові.

42. Редін Костянтин Гнатович (1821 – 1889) – генерал-лейтенант російської армії.

43. Тризна Іван Олексійович (1827 – 1893) – капітан у відставці. У 1890 р. очолював Чернігівський дитячий притулок.

44. Карпинський Петро Кирилович (1839 – 1887) – з 1870 р. учитель Закону Божого у Чернігівській жіночій гімназії.

45. Пахомій (Петро Петрович Кедров) (1876 – 1937) – з 1917 р. єпископ Чернігівський та Ніжинський, з 1920 р. – архієпископ. Був неодноразово заарештований більшовицькою владою, перебував в ув'язненні та засланні, помер у психіатричній лікарні.

46. Бобров Іван Васильович (1818 – 1905) – заможний чернігівський купець і благодійник.

47. Селюк Володимир Андрійович (1881 – 1918) – походив з відомої купецької родини. Брав активну участь у революційному русі. Один із засновників організації партії більшовиків у Чернігові. Його іменем було названо вулицю, яку в 1955 р. включили до складу вулиці Я. М. Свердлова (нині – вулиця Гетьмана П. Полуботка). Натомість іменем В. А. Селюка у 1960 р. було названо іншу вулицю у Новозаводському районі Чернігова.

48. Тургенев Іван Сергійович (1818 – 1883) – видатний російський письменник.

49. Ожешко Еліза (1841 – 1910) – видатна польська письменниця, твори якої неодноразово перекладалися і видавалися російською мовою.

50. фон Зутнер Берта (1843 – 1914) – видатна австрійська письменниця і громадський діяч, лауреат Нобелівської премії миру. Всесвітню відомість їй приніс роман «Геть зброю!» (1889), що став своєрідним маніфестом пацифістського руху.

51. Будинок Чернігівського губернського дворянського зібрання був споруджений у 1859 – 1870 рр. у стилі пізнього класицизму в історичному центрі міста. Важливий осередок громадсько-політичного і культурного життя Чернігова. Згорів у серпні 1941 р. під час бомбардування міста нацистською авіацією.

52. Профен Алексія Карлівна – з 1888 р. учитель німецької мови у Чернігівській жіночій гімназії.

53. Кизимовський Петро Васильович (1834 – 1895) – директор Чернігівської жіночої гімназії.

54. Мау Марія Іванівна – з 1888 р. начальниця (заступник директора) Чернігівської жіночої гімназії.

55. Теффенберг Станіслав Якович (? – 1890) – учитель німецької мови у Чернігівській чоловічій гімназії.

56. Горінек Климент Федорович – учитель давніх мов у Чернігівській чоловічій гімназії.

57. Трезвінський Петро Петрович (1846 – 1911) – учитель історії у Чернігівській жіночій та чоловічій гімназіях. Інший чернігівський мемуарист В. К. Пухтинський засвідчив, що сучасники називали його героєм «времен Очаковских и покоренья Крыма» і стверджували, що П. П. Трезвінський «имеет сейчас такой же самый вид, как в конце XVIII столетия, – настолько он законсервировался и походил на мумию».

58. Шраг Ілля Людвигович (1847 – 1919) – адвокат і громадський діяч, активний учасник національно-визвольного руху.

59. Сац Алтер Меєрович (Олександр Миронович) – адвокат і громадський діяч.

60. Йдеться про відомих чернігівських лікарів Ковальського Олексія-Фаустина Максиміліановича (1858 – ?), Ласкоронську Марфу Миколаївну, Тессена Георгія Васильовича (1851 – 1910), Соловійова Олександра Михайловича (1863 – ?), Кранц Михаліну Маркусівну (див. примітку № 31).

61. Міське торжище старого Чернігова містилося на території Базарної (нині – Красної) площі поряд з П'ятницькою церквою. Згодом його було облаштовано на Новобазарній або Олександрівській площі, де нині Центральний ринок Чернігова.

62. Насправді ярмарки у Чернігові наприкінці XIX ст. – на початку XX ст. відбувалися чотири рази на рік: у січні – Богоявленський, весною (через тиждень після Великодня) – Проводський, влітку – Десятинний і у вересні – Воздвиженський. Вочевидь, у спогадах йдеться про найпопулярніший і найвселюдніший з них – Десятинний ярмарок, який збирався у десяту п'ятницю після Великодня і тривав 3–4 дні (у народі його зазвичай називали «Десятухою»).

63. Седнів – містечко Чернігівського повіту (нині – селище міського типу, центр селищної ради Чернігівського району), «фамільне гніздо» відомої дворянської родини Лизогубів, що походила з козацької старшини.

64. Вузькоколійна залізниця від станції Крути до Чернігова була прокладена у 1893 р. Лише наприкінці 20-х рр. XX ст. після завершення будівництва залізниць Чернігів – Коростень і Прилуки – Гомель Чернігів став залізничним вузлом.

65. Залізнична станція Муравейка розташовувалась у с. Вершинова Муравейка (нині – центр сільської ради Куликівського району). Неподалік був маєток поміщиків Ясновських.

66. Застриження – історичний район Чернігова на лівому березі р. Стрижень, де протягом XVIII – XIX ст. облаштували свої садиби представники місцевої еліти.

67. Красний міст через р. Стрижень у Чернігові існує до сьогодні.

68. Кордівка (Кордиківка) – річка, ліва притока Стрижня. Протікала по території урочища Кордівка за східною околицею старого Чернігова.

Статья посвящена воспоминаниям М. В. Черносовой о старом Чернигове. Они содержат интересные факты и наблюдения, которые существенно дополняют наши представления о повседневной жизни жителей Чернигова во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: М. В. Черносова, Чернигов, воспоминания, история повседневности.

The article deals with the memoirs of M. V. Chernositova about old Chernihiv. They contain interesting facts and observations, that substantially supplement our conception of everyday life of Chernihiv residents in the second half of XIX – the beginning of XX centuries.

Key words: M. V. Chernositova, Chernihiv, memoirs, history of everyday life/